

© 2008 г. О. В. НОВОХАТКО*

ФОРМИРОВАНИЕ РАЗРЯДНЫХ ШАТРОВ В ПЕРВОМ ЧИГИРИНСКОМ ПОХОДЕ 1676/77 ГОДА

В настоящее время проблемы теории и практики управления, эффективности государственного управления в прошлом и настоящем заняли одно из первых мест в трудах социологов и историков. Как ни странно, одним из «белых пятен» в истории этого вопроса является приказная система. Несмотря на то, что о приказах написано много общих и специальных трудов, практически нет исследований, посвященных конкретным механизмам приказного управления. Настоящая работа посвящена одному из аспектов деятельности Разрядного приказа, а именно организации обороны южных рубежей России в 1676–1677 гг., во время так называемого первого Чигиринского похода.

Весной 1677 г. турецкая армия, возглавляемая Ибрагим-пашой, перешла Дунай и направилась к городу Чигирину, столице Правобережной Украины. Турки рассчитывали взять Чигирин за 3 дня, а потом двинуться на Киев. По данным разных источников, турецкая армия, подходившая к крепости, превосходила по численности чигиринский объединенный русско-украинский гарнизон почти в 7 раз¹. Ясно, что для успешных боевых действий русской стороне требовалось подкрепление. Поэтому в начале весны (март–апрель) русское командование начало формирование двух армий, которые должны были выступить против турок. Первая армия, или «большой» полк, поручалась командованию боярина кн. В.В. Голицына. Ее опорным пунктом был назначен Севск. Вторую армию должны были составить Белгородский и Севский полки во главе с Г.Г. Ромодановским, ее центром был Белгород. В связи со сведениями, доставленными разведкой, об энергичном движении больших турецко-татарских сил к Чигирину, главную армию решено было усилить полками бояр кн. П.И. Хованского и кн. В.Д. Долгорукова.

При подготовке вооруженных сил русского государства к Чигиринскому походу реализация директив верховной власти была возложена на Разрядный приказ. Разрядный приказ (он также назывался просто Разрядом или Большим Разрядом) являлся одним из двух (вместе с Поместным) государствообразующих учреждений России XVII в. Сфера его деятельности была наиболее обширной из всех приказов и чрезвычайно разноплановой. Основные направления его работы можно определить следующим образом: ведание служилыми людьми по отечеству всего Русского государства (а значит, его главными военными силами, центральным и провинциальным управлением аппаратом, организацией придворных церемоний), его военными делами и управление южными (украинными) городами и уездами. Выделившись в XVI в. из думской канцелярии в самостоятельное ведомство, Разряд до конца своего существования (1711 г.) сохранил за собой также функцию делопроизводителя Думы, посредника между нею и другими приказами.

Разрядный приказ, как и другие крупные приказы, делился на отделения, или столов. В 1676–1677 гг. это были Московский, Новгородский, Приказный и Денежный. Главным, центральным столом приказа был Московский, в его компетенции находи-

* Новохатко Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

лись практически все аспекты деятельности Разряда, в том числе и назначения на военную службу. Поэтому формирование армейских штабов для Чигиринского похода происходило силами сотрудников прежде всего Московского стола Разрядного приказа.

Кого назначить на ключевые командные должности, решала, разумеется, верховная власть – царь и Боярская дума, – но документальное оформление этих назначений и организация выезда к месту службы происходили в Разрядном приказе. Обычно, рассуждая об эффективности действий верховного военного командования, исследователи оставляют почти без внимания собственно управленческую работу генерального штаба. А ведь от расторопности, четкости действий управленцев и в этом отношении, а не только в руководстве военными действиями, зависело немало. В XVII в. эти функции исполнял Разрядный приказ. В обыденном сознании он вместе с другими приказами априори представляется хрестоматийным примером волокиты, несобранности и якобы изначально присущей приказной системе бестолковости и продажности. Однако на деле все обстояло несколько иначе.

Формирование армии началось с назначения ее командного состава и руководства полковых канцелярий. Одной из важных сторон деятельности Разряда в этом отношении были организация отправки к месту дислокации военачальников, назначенных в действующую армию, и глав полковых канцелярий и финансирование их дорожных расходов. Поскольку по диспозиции русского генерального штаба основная тяжесть ведения боевых действий должна была лечь на армию Ромодановского, ей было уделено первоочередное внимание и определено больше времени на ее формирование. Отправка военных руководителей этой части русских вооруженных сил к южным рубежам началась задолго до начала летней кампании. В книгах Денежного стола Разрядного приказа фиксировалась выдача так называемых прогонных денег. Раньше всех после получения 6 марта прогонных денег в полк отправился заслуженный военачальник окольничий И.И. Ржевский. Затем, получив прогонные деньги 12 марта, из Москвы в Белгород, где должна была разместиться штаб-квартира, выехал воевода Белгородского полка Г.Г. Ромодановский с сыном Михаилом². В тот же день в полк был отправлен дьяк Полуэкт Истомин³. 1 апреля в Белгород отправились думный дворянин Иван Петрович и стольник Иван Иванович Лихаревы, назначенные быть в товарищах у боярина и воеводы Ромодановского⁴. 25 апреля в Белгородский полк выехал один из командиров частей «нового строя» полка Ромодановского генерал-майор Франц Ульф⁵.

После Белгородского был сформирован командный состав «большого» полка. Товарищами «большого» воеводы Голицына были назначены окольничий кн. Г.А. Козловский и думный дворянин А.В. Толстой. Штаб-квартирой «большого» полка был определен Путивль. Сходными воеводами Голицына стали бояре кн. П.И. Хованский с товарищами и И.В. Бутурлин с товарищами. Сборные пункты их полков располагались соответственно во Мценске и Рыльске. 23 мая к месту назначения выехал Голицын⁶, в том же месяце Козловский (после 16 мая)⁷ и Толстой (после 17 мая)⁸. Б Рыльск отправились боярин и воевода Бутурлин с руководителем своего разрядного штаба дьяком Алексеем Клочковым (после 18 мая)⁹, товарищ Бутурлина окольничий П.Д. Скуратов (после 22 мая)¹⁰. Хованский получил распоряжение сначала собрать полк в Туле, а оттуда идти в Мценск в начале июня. Из Москвы воевода выехал 26 июня¹¹.

В связи со сведениями, доставленными разведкой в середине июня (18 числа), об энергичном движении больших турецко-татарских сил к Чигирину, главную армию под командованием Голицына решено было усилить еще одним полком – Новгородским – под командованием Долгорукова. Долгоруков получил распоряжение двигаться в Брянск сразу по получении «вестей» 18 июня, и на следующий же день выехал из Москвы¹². Через неделю средства на дорогу до Брянска получил товарищ воеводы, думный дворянин Богдан Иванович Ордин-Нащокин¹³.

Однако в это же время поступили новые данные разведки о численности турецкой армии. По последним сведениям силы турок были не столь значительны, как сообща-

лось ранее. Поэтому правительство сочло, что Новгородский полк не будет столь необходим на южных рубежах, и 29 июня Долгоруков получил приказание остановить поход к Брянску и двигаться во Псков, но, тем не менее, продолжить формирование полка¹⁴.

Если полномочия Разряда в назначении высшего командного состава ограничивались документальным оформлением этих назначений (правда, не просто техническим фиксированием самого факта, а составлением разного рода документов – от наказов (инструкций) военачальникам до грамот с сообщением о назначении и с распоряжениями городовым воеводам) и обеспечением военачальников средствами на транспортные расходы, то в формировании полковых канцелярий – разрядных штабов – Разрядному приказу принадлежала ведущая роль. Разрядный приказ являлся своего рода «отделом кадров» для подъячих и вспомогательных служащих московских приказов. В Разряде находились сводные списки приказных служащих, составлявшиеся ежегодно, основываясь на которых руководство Разряда подбирало кандидатуры для различных правительственные поручений.

Одной из разновидностей поручений, которые возлагались на подъячих помимо их приказной работы, была служба в полковых канцеляриях – разрядных штабах (а также разовые поручения, связанные с обеспечением деятельности южных армий). Появившееся позднее пренебрежение к «штабным» было бы не понятно в XVII в. Без полковых подъячих нарушалось взаимодействие армии и главного командования. Так, именно подъячие разрядного штаба фиксировали прибытие в полки служилых людей – сколько, каких чинов, какого числа и откуда, систематизировали информацию и отправляли ее в центр, с тем чтобы там, в случае необходимости, могли принять необходимые меры для организации пополнения, и т.п.

Примерные списки подъячих разных приказов, которых надлежало направить в тот или иной полк, составлялись в Московском столе Разряда, после чего для высылки отобранных подъячих Разрядный приказ направлял в соответствующие приказы памяти-запросы с указанием числа и категорий подъячих (или конкретных имен) и кратким изложением цели командировки. Посмотрим, насколько четко и оперативноправлялся Разряд с этой работой, а также какие структурные подразделения приказа и какими средствами решали поставленные перед ними задачи, как документировались эти действия.

9 мая Голицын, командующий южной армией, был «у руки» государя. Уже на следующий день после церемонии «отпуска» Голицына, 10 мая, глава Разрядного приказа утвердил подготовленный в Московском столе список подъячих для полковой канцелярии воеводы. Разрядный штаб полка Голицына нуждался в трех подъячих – одном старом и двух молодых, что и было отмечено в заголовке: «В полк боярина и воеводы князя Василья Васильевича Голицына с товарищи ис приказов доведетца быть подъячим из Розряду старой да молодых 2 ч[еловека]»¹⁵. Очевидно, не рассчитывая на то, что приказы, как это нередко бывало, пришлют всех назначенных подъячих, список был составлен с превышением требуемого числа. Было выписано по двое подъячих из приказов Казанского дворца (И. Козляинов, С. Коптяев) и Новой чети (В. Русинов, А. Коровин) и по трое из приказов Большого дворца (П. Звездин, Т. Аврамов, И. Неустроев) и Земского (Г. Облезов, П. Чередеев, Ф. Шустов)¹⁶. Однако и это число подъячих, по-видимому, показалось руководству Разряда недостаточным. Как это было принято в приказной практике Разряда, если необходимо было послать память одинакового содержания на несколько адресов, в приказе составляли память-образец. К такой черновой памяти-образцу в приказ Новой чети старый подъячий, составивший память, и приложил записку (то ли памятку для самого подъячего на основании распоряжения приказного руководства, то ли указание молодым подъячим-писцам), в которой к уже назначенным приказам были присовокуплены новые: «Таковы ж писать в приказ Большого дворца, в Земской, в Помесной, в Большой приход, в Монастырской»¹⁷ (в записке пропущен Казанский приказ).

В памяти из Разряда в приказ назывались имена подьячих и излагалась причина посылки, как, например, в памяти в приказ Новой чети с требованием прислать двух подьячих (чи имена были указаны в разрядном списке) в Разряд для отправки в Путивль в полк Голицына «для писма»¹⁸. В отдельных случаях приказу предоставлялось самому определить кандидата для отправки в полк. Например, в приказ Устюжской чети было направлено требование прислать в Разряд, не называя конкретного имени, «середние статьи подьячего добра» для отправки в Путивль¹⁹.

В большинстве случаев требуемого подьячего (или подьячих) незамедлительно направляли в Разряд в сопровождении кого-либо из их сослуживцев и с сопроводительной же памятью. Память непременно включала ссылку на указ из Разряда (почти всегда с датой получения) и имя дьяка, за чьей приписью был послан этот указ, и кратко излагала суть предстоящего дела, после чего сообщалось, что требуемый подьячий послан в Разряд, и указывалось имя сопровождающего. Однако, если сопроводительный документ со всей необходимой информацией был непременным атрибутом «передачи» подьячего из одного приказа в другой, то «конвой» был обязательным не всегда. Так, Владимирский Судный приказ направил старого подьячего П. Богданова с сопроводительной памятью в ответ на два запроса из Разряда – для посылки на литовский рубеж и в южные полки с денежной казнью, чтобы в Разряде решили, куда его лучше определить²⁰.

По большей же части подьячих направляли в Разряд с сопровождением. Например, подьячих старого С. Антипина и молодых Р. Лапкина и Ф. Микитина, откомандированных в Брянск в полк Долгорукова, из Поместного приказа в Разряд сопровождал подьячий Г. Протопопов²¹. Подьячий М. Парамонов из Московского Судного приказа, назначенный Разрядом для посылки в полк Хованского, был доставлен в Разряд «того же приказу с подьячим с Петром Шумовым»²². Подьячий Устюжской чети Ф. Кроткий, командированный в Путивль, был прислан в Разряд «приказу Устюжские чети с подьячим с Кузмою Васильевым»²³.

Военная командинровка всегда была делом срочным, о чем и напоминали разрядным служащим распоряжения дьяков: «Отослать их в тот полк без мотчанья»²⁴; «К отпуску и послать ево на ево государеву службу тотчас»²⁵. Те же правила действовали и в отношении низших категорий приказных служащих, в частности, сторожей, которые также призывались Разрядом на военную службу. Сторожа обычно направлялись в Разряд без сопровождения, только с соответствующей памятью на руках, как, например, сторожа из приказов Земского, Холопья суда, Московского Судного, Новой чети для службы в полках Голицына, Бутурлина и Долгорукова²⁶. Пометы разрядных дьяков на сопроводительных памятках свидетельствовали о том, что эти командинровки, как и подобные командинровки подьячих, всегда были крайне срочными: «Принять ево и послать в полк тотчас»²⁷, «Принять ево и послать в тот полк без мотчанья»²⁸, хотя встречаются и другие, более сдержанные пометы: «Отослать ево в полк»²⁹.

Участие в полковой службе было более тяжелым и опасным делом, чем административные «посылки», и, вероятно, подьячие искали способы «избыть» эту службу. Но следует все же отметить, что отказ приказов выслать требуемых подьячих чаще всего объяснялся уважительными причинами – загруженностью приказных подьячих работой, причем не только в приказе, но и в связи с другими поручениями. Так, по требованию Разряда Земский приказ должен был прислать для службы в Рыльске и Путивле «для писма полковых дел» старых подьячих Г. Облезова, П. Чередеева, Ф. Шустова и двух молодых – Я. Смирнова и И. Протопопова. Указанные молодые подьячие были посланы, но вместо названных Разрядом старых подьячих Земский приказ командинировал других – старых же подьячих Г. Кашкина, М. Спасеньева и А. Богданова. «А у подьячих у Григория Облезова, у Прохора Чередеева, у Федора Шустова, – информировал Земский приказ, – многие сыскные, татинные и разбойные дела, да они же по разным наказом збирают мостовые деньги, и для того они в Разряд не посланы»³⁰.

Кроме того, руководство приказов твердо соблюдало правило, возможно, неписаное, по которому приказные служащие, уже отбывшие полковую службу, тем более

неоднократно, должны были освобождаться от очередного направления в полк. Однако, получая запрос из Разряда прислать подьячего для службы в действующей армии, приказы часто действовали ответственно, и, понимая серьезность поручения, учитывали не только свои узко ведомственные интересы и не отказывали Разряду вовсе. В большинстве случаев руководство приказов старалось немедленно, не дожидаясь повторного требования Разряда, найти замену тем подьячим, которые по делам службы не могли быть откомандированы в полки. Так, по запросу из Разряда для службы в Путивле приказ Новой чети должен был направить в Разряд подьячих В. Русинова и А. Коровина. Однако, как сообщалось в памяти, эти подьячие в приказе Новой чети «сидят у приходу и расходу великого государя денежные казны и с их сиденья в приходе и в расходе денежные казны не считаются, а ныне их в той денежной казне считаются»; эти же подьячие собирают доимочные деньги за прошлые годы. Кроме того, приказ Новой чети испытывал кадровые трудности: «А как ис приказу Новые чети города взяты в разные приказы, и в то время ис приказу Новые чети многие подьячие отставлены и сидят в разных приказах, а в приказе Новые чети у приходу и расходу денежные казны без тех подьячих быть не можно». Тем не менее, не взирая на указанные трудности, запрос Разряда был выполнен – на полковую службу были направлены подьячие И. Олуферов и Д. Аргунов³¹.

Нередко приказы не могли обеспечить и требуемое число подьячих. Так, вместо двух подьячих, которых Разряд планировал направить в Путивль в полк Голицына, приказ Казанского дворца послал третьего подьячего, объяснив замену тем, что двоих названных подьячих «за прежними их многими посылками на службу великого государя послать не довелось»³². Правда, и новая кандидатура была заменена – «для того что он, Михаил, скорбен»³³. Ни подобные «полутказы», когда вместо требуемых двух подьячих приказ высылал одного, ни замены указанных подьячих на других, по-видимому, не беспокоили Разряд. В пометах дьяков на сопроводительных памятках, с которыми являлись в Разряд подьячие, никак не отмечено неудовольствие разрядного руководства и нет указаний прислать требуемое число подьячих или именно тех, которые Разрядом были назначены. Пометы гласили: «К отпуску, а подьячего отослать к боярину и воеводам без мотчанья»³⁴; «Послать того подьячего в тот полк тотчас»³⁵ и т.п. Очевидно, для приказной администрации главной была нацеленность на стержневую проблему – выполнить поручение верховной власти, – поэтому в вопросах второстепенных всегда проявлялась гибкость.

«Примерные» списки приказных подьячих для полковых посылок недаром составлялись в Разряде с превышением. Наверняка знать, какова в данный момент кадровая обстановка в том или ином приказе, Разряд едва ли мог. Поэтому отказы руководства того или иного приказа в предоставлении подьячих для службы в разрядных штабах вряд ли должны были вызвать удивление в Разряде. Тем не менее, если на замену требуемых подьячих, даже неполную, Разряд соглашался спокойно, то полный отказ им не принимался ни на каких основаниях. Информация об учреждении-«отказнике» немедленно направлялась верховной власти, но одновременно Разряд и сам принимал необходимые меры. Приказ Большого дворца, например, в ответ на требование Разряда прислать трех подьячих в полк Голицына информировал Разряд о том, что указанных подьячих «отослать немочно», поскольку П. Звездин находится «у приходу и расходу денежной казны», Т. Аврамов – у астраханских и яицких «насадных рыбных и соляных промыслов», а И. Неустроев – «у счету» этих промыслов³⁶. Однако приведенные причины отказа были сочтены в Разряде неуважительными. «В верх» (т.е. к царю) немедленно была направлена информация о противодействии комплектованию армии, однако доклад государю носил, по-видимому, скорее осведомительный характер, потому что одновременно, не дожидаясь реакции верховной власти, руководство Разряда распорядилось направить в приказ Большого дворца требование о присылке замены назначенным в Разряде подьячим: «Выписать к великому государю в доклад и поднести тотчас, а в приказ Большого дворца послать память, чтоб в их место прислали то же число подьячих те же статьи»³⁷. Тем не менее обстановка в приказе Большого дворца, оче-

видно, была такова, что руководство приказа действительно никак не могло удовлетворить требования Разряда и на повторный запрос заменить Звездина, Аврамова и Неустроева из приказа Большого дворца пришел отказ с объяснением причин: «И приказу Большого дворца подьячие многие посланы с писцами и для описки Артемона Матвеева поместий и вотчин и для сыскных дел, и для той службы подьячих послать в Разряд неково»³⁸.

Московский Судный приказ должен был направить в Разряд сторожа для службы во Пскове в полку Долгорукова. Но, по мнению руководства приказа, послать было «неково», так как сторожей в приказе осталось только трое, а четвертый был послан в Иноземский приказ «к сыскному делу в пропалых денгах»³⁹. Возможно потому, что в данном случае речь шла о вспомогательном составе приказных служащих, Разрядный приказ разрешил проблему самостоятельно, не обращаясь за поддержкой к верховной власти. В распоряжении своим подчиненным относительно подготовки ответа на память с отказом разрядный думный дьяк позволил себе не только указать, что надо сделять руководству Московского Судного приказа, но и высказаться с оттенком иронии: «Послать другую память, велеть прислать по прежнему указу, а кого пришлют, и на то место принять иного, а охотников в тот чин много»⁴⁰. Любопытно, что разрядный подьячий, готовивший черновик памяти в Московский Судный приказ, то ли по излишнему усердию, то ли с умыслом привел распоряжение начальника дословно: «А вместо того сторожа в Судной Московской приказ принять иного, а охотников в тот чин много»⁴¹.

Как было сказано, получив из Разряда память-запрос с требованием откомандировать подьячего для полковой службы и не имея возможности сделать это, приказ довольно оперативно направлял в Разряд ответную память с объяснением причин отказа. Однако иногда, видимо, случались оплошки в работе приказа, он не сообщал своевременно в Разряд о невозможности прислать подьячего. Вероятно также, что и в Разряде могли забыть направить память в один из многих приказов, отмеченных в списке. Разряд же, не получив отказа, не дождавшись прибытия в Разряд подьячего с положенной сопроводительной памятью и, очевидно, выгждав какой-то положенный срок, продолжал свою рутинную работу по организации «призыва» подьячих.

Как и во всех прочих случаях «индивидуального» оповещения служилых людей всех чинов о том, что на них возложено исполнение какого-либо поручения, к месту жительства приказных подьячих отправлялись из Разряда вспомогательные служащие – разрядные дети боярские, исполнявшие в Разряде обязанности приставов. Именно на этом этапе работы Разряда иногда, по-видимому, и выяснялись обстоятельства, по которым назначенный подьячий не мог быть командирован в полк. В подобном случае неминуемо возник конфликт между посланными служителями Разряда и противодействующей стороной. Так, на шестой день после распоряжения разрядного руководства о командировке в Мценск в полк Хованского «для писма полковых дел» подьячего Новгородского приказа Василия Никитина к нему «на двор» были посланы разрядные дети боярские Г. Попов с товарищами для сопровождения его в Разряд. Как доложили в Разряде дети боярские, брат и сын Никитина с людьми выгнали их со двора, имен своих не сказали и бралили. По обычай разрядные дети боярские предъявили документ о призывае Никитина на полковую службу, но «память», или «сыскное письмо», как по-разному определяется этот документ в деле, возможно, была составлена не по всей форме. Во всяком случае, родственники Никитина предъявили претензии к разрядным посланцам: «А говорили им (детям боярским. – О.Н.): велите де написать именно, в котором де приказе он, Василий, сидит в подьячих или какова инова чину и по какому де указу и хто по него посыает и для какова дела». Дальше прозвучала откровенная насмешка над приказными чиновниками: «И хто де их посыпал, и он бы де тое память чол по суботам»⁴².

Подобные конфликты, разумеется, не оставались без внимания Разряда. Через 6 дней после описанных событий подьячий В. Никитин был доставлен в Разрядный приказ, где и выяснились все обстоятельства дела. В частности, нашли объяснение по-

разительная осведомленность родственников Никитина о формуляре приказного «ордера», с которым явились к подьячemu разрядные дети боярские, и чувство превосходства в отношении разрядных служащих, проявленное ими. Оказалось, что оба встретивших посланцев Разряда были сыновьями Никитина (а не братом и сыном, как подумали Попов с товарищами), оба подьячие: Алексей – Посольского приказа, Ермил – Устюжской чети; отца в это время не было дома.

Прекрасная осведомленность Алексея и Ермила в приказных порядках определила весь ход их конфликта с разрядными детьми боярскими. Без разрешения приказного руководства ни один подьячий не мог оставить или переменить свою работу, поэтому сыновья Никитина объявили пришедшему, что без ведома боярина И.М. Милославского (в то время руководителя в числе других приказов и Новгородского) их отец в Разряд не пойдет, и подкрепили свои слова, как было отмечено выше, одной из самых веских причин – отец в данное время в Новгородском приказе «у щту». Затем разрядные дети боярские Попов с коллегами вновь показали себя менее сведущими, чем сыновья Никитина, в приказных порядках – вместо отсутствующего отца они попытались захватить его детей. Но те потребовали показать им «ордер» на привод – сыскное письмо – «и, посмотря писма, сказали им, что в том писме имен их не написано и дела до них нет», после чего последовала очередная насмешка: «А чьли б де они, дети боярские, то писмо почасту, что б им было памятно, ково было сыскывать». Следует отметить, что разрядные дети боярские без всякого сопротивления дали сыновьям Никитина ознакомиться с содержанием официального документа. Как выяснилось позже, кроме Никитина в Разряд не явилось еще несколько подьячих, «призванных» на полковую службу, и для доставки этих подьячих в Разряд был составлен единый, общий для всех документ, на что и указывали братья-подьячие. Они советовали детям боярским почаше читать «память», «для того, что в той памяти написано было подьячих человека с четыре»⁴³, которых детям боярским предстояло доставить в Разряд.

По всей видимости, корни такого противостояния лежали еще и в другой плоскости. Правительственные посланцы по обычай должны были получать угожение – «хоженое». «Принимающая» сторона, естественно, не радовалась такой необходимости, о чем и сообщил в своей «сказке» В. Никитин. По его словам, уходя, дети боярские «просили у них хоженова и вина пить, и дети де ево ничего им не дали, и они де, дети боярские, за то им грозили». Никитин постарался также отвести от сыновей обвинение в оскорблении руководства Разряда, сообщив, что слово о чтении письма по субботам сыновья не говорили⁴⁴.

Как видно из документа, приказные подьячие не испытывали ни страха, ни почтения к официальным представителям Разрядного приказа. Однако по требованию Разряда на следующий день после своей явки, В. Никитин доставил в Разряд и сыновей, а также одного из дворовых людей. И Алексей, и Ермил подтвердили свои слова и показания отца о том, что он сидит в Новгородском приказе «у щту» и что «взята по нем поручная запись, что ему к щту в том приказе ставитца». Дворовый человек, что неудивительно, выступил на стороне своих хозяев. Он заявил, что был во дворе, делал работу, разговора не слышал, но и не видел, чтобы детей боярских били, зато слышал, как последние, уходя, грозились⁴⁵.

Разбирательство конфликта в Разряде было задокументировано и оформлено по всем правилам судебного делопроизводства: на оборотах записей распросных речей участники конфликта засвидетельствовали свои показания: «Юрка Бросин и в место Гаврила Попова руку приложил»⁴⁶; «К сему допросу Васька Никитин руку приложил»⁴⁷; «К сей скаске Посольского приказу подьячей Алешка Васильев руку приложил»⁴⁸; «К сей скаске приказу Устюжские чети подьячей Ермилко Васильев руку...»⁴⁹. К сожалению, документ не имеет конца, поэтому решение разрядного руководства неизвестно.

Однако некоторые детали дальнейшего развития событий можно установить. По всей видимости, В. Никитин до того, как его доставили в Разряд, не терял времени даром и направил в «свой» Новгородский приказ челобитную с просьбой о защите. На-

кануне допроса Никитина и его сыновей в Разряд пришла память из Новгородского приказа, в которой вскрывались обстоятельства дела, почему-то не зафиксированные документами Разряда. Оказалось, что Никитин, работавший в приказах с 7160 (1651/52) г., т.е. 25 лет, 25 мая текущего года по указу государя «для ево, Васильева, увечья от государевых дел... отставлен» (о чем Разряд, по всей видимости, не был извещен). Никитину, заведовавшему финансовой частью Новгородского приказа и приказа Галицкой чети, в связи с отставкой велено было «встать к счету в те приказы», и «взята по нем, Василье, поручная запись». Далее в памяти в довольно жесткой форме Разряду было указано на несоблюдение им приказной субординации: указанного подьячего держат в Разряде и посыпают на службу великого государя, «не сослався с Новгородским приказом и с приказом Галицкие чети». Руководство Новгородского приказа требовало прислать Никитина из Разряда, чтобы быть ему по-прежнему в приказах Новгородском и Галицкой чети⁵⁰. Как и прочие документы, выходящие за рамки штатных ситуаций, память из Новгородского приказа принял к рассмотрению руководитель Разряда. Очевидно, что вариант решения был единственным возможным: «Отослать ево в тот приказ и отдать имяно»⁵¹.

Ключевые моменты в комплектовании полковых канцелярий определялись руководителем приказа думным дьяком В.Г. Семеновым. Список кандидатов для посылки в полки составлялся под его руководством, им этот список утверждался и непосредственно от него разрядные служащие получали распоряжение о подготовке памятей-запросов в определенные Семеновым приказы⁵². Дальнейшую работу по составлению и отправке памятей в приказы организовывали разрядные дьяки. В «призывае» подьячих на военную службу, в отличие от организации «мирных» посылок, четвертый разрядный дьяк Л.А. Домнин играл заметно большую роль, чем третий, Ф.Л. Шакловитый. Практически Домнин разделял с П.И. Ковелиным, вторым разрядным дьяком, эту работу. Под руководством Ковелина и Домнина были составлены и ими заверены примерно в равном объеме памятки в приказы с требованием откомандировать для отправки в полки подьячих и сторожей. Можно сказать, что если Ковелин начал «призвенную кампанию» в первой декаде мая и эпизодически участвовал в ней и дальше⁵³, то Домнин продолжил ее со второй половины мая до июля⁵⁴. Участие Шакловитого в рассылке запросов по приказам было минимальным⁵⁵.

На следующем этапе, когда «призванный» подьячий прибывал с сопроводительной памятью из своего приказа в распоряжение Разряда, к делу снова подключался Семенов, что свидетельствует о значении, которое придавалось в Разряде этому моменту. Руководитель приказа, как и его заместители, на поданной подьячим памяти лично отмечал его прибытие и направление для дальнейшего прохождения службы. Эта деятельность была примерно в равном отношении поделена между Семеновым⁵⁶, Шакловитым⁵⁷ и Домниным⁵⁸. Ковелин в ней не участвовал. В том случае, если из приказа приходила память с отказом в присылке подьячих, решение о дальнейших действиях практически всегда принимал Семенов. Он определял, надо ли подготовить сообщение государю о сложившейся ситуации, послать повторные запросы в приказы и содержание этих запросов⁵⁹. По всей видимости, тогда, когда ситуация с набором подьячих была решена, получение памяти с отказом фиксировал Домнин⁶⁰.

Комплектование армии, в том числе полковых канцелярий, было, разумеется, одним из дел наибольшей государственной важности, поэтому как распоряжения руководства Разряда внутри приказа, так и требования Разряда к другим приказам исполнялись в максимально короткие сроки. Начало «призвенной» кампании подьячих было положено 10 мая. В этот день руководитель Разряда Семенов утвердил подготовленный разрядными служащими список подьячих для полка Голицына и повелел послать в соответствующие приказы памятки⁶¹. «Образцовая» память в приказ Новой чети была составлена через день, 12 мая, и в тот же день были написаны, отредактированы, переписаны набело и отправлены памятки в другие приказы⁶².

Так же оперативно на требование Разряда откликнулось большинство приказов, причем и тогда, когда руководство приказа командировало в Разряд подьячего, и тогда,

когда приказ вынужден был ответить на запрос Разряда отказом. Так, памяти из приказов Казанского дворца и Владимирского Судного с отказом прислать, соответственно, подьячих и сторожа, прибыли в Разряд через день после получения указания из Разряда⁶³. В деле не сохранилась повторная память из Разряда, но через 6 дней после получения Разрядом памяти из приказа Казанского дворца подьячий этого приказа прибыл в Разряд⁶⁴. Таким образом, за эти 6 дней в Разрядном приказе был подготовлен и послан ответ на память из Казанского дворца, а в последнем выбран подьячий, подготовлен память и направлена вместе с подьячим в Разрядный приказ. Однако посланный подьячий заболел, и его пришлось заменить другим. По всей видимости, руководство приказа Казанского дворца получило весьма убедительные доводы о необходимости откомандировать своего служащего в распоряжение Разряда, потому что замена состоялась на другой же день – столько времени заняли выбор нового подьячего, составление сопроводительной памяти и отправка подьячего в Разряд⁶⁵.

Гораздо большую медлительность проявил приказ Большого дворца. Кроме того, что Разряд так и не смог добиться от этого приказа присылки подьячего, первый ответ с отказом был получен в Разряде через 4 дня после направления им запроса, а вторая память, снова с отказом, прибыла в Разряд через 2 недели после первой⁶⁶. Если же в приказах находили возможность откомандировать своих служащих в Разряд, то время от получения указа из Разряда до прибытия подьячего или сторожа в Разряд занимало 5–7 дней⁶⁷. Возможно, такой срок требовался командированному, чтобы передать свои дела в приказе коллеге и собраться в дорогу.

Все приведенные случаи относятся к командировке подьячих в полковые канцелярии. Почему-то гораздо больше времени занимали в приказах подготовка документов и выбор подьячих для осуществления раздачи жалованья ратным людям в Путивльском и Рыльском полках. Вероятно, это мероприятие, в отличие от комплектования полковых канцелярий, не считалось столь спешным. Во всяком случае, не только выбор подьячего и составление сопроводительной памяти, но и подготовка памяти с отказом заняли в приказах от 11 дней до двух недель⁶⁸.

Разумеется, не оставались в стороне от полковой службы и подьячие самого Разрядного приказа. Так, очевидно, в Московском столе был составлен список разрядных подьячих, которых надлежало отправить в Путивльский и Рыльский полки⁶⁹. В этом случае список также был «примерным», из него руководитель Разряда выбрал нужных людей и отметил, куда именно кого следует направить. Можно с большой долей вероятности утверждать, что в данном случае из списка было выбрано столько подьячих, сколько было действительно необходимо для отправки в полки, а не с превышением, как это было при наборе подьячих из других приказов. Против фамилий выбранных подьячих руководитель приказа на поле пометил, как обычно, крайне лаконично, одним словом: «В Путивль», «То же», «В Рыльск»⁷⁰. Таким образом, были отобраны четверо подьячих, по двое в каждый полк. Другим почерком, вероятно, старого подьячего, против трех имен списка было помечено: «Послан преж» и «В посылке». Как отмечалось, очередность дальних «посылок» строго соблюдалась во всех приказах, и то обстоятельство, что подьячий несколько раз или недавно был в таких «посылках», было уважительной причиной для отвода его кандидатуры при наборе подьячих на новую дальнюю службу. Следует отметить, что из 17 предложенных Московским столом подьячих с окладами от 15 до 3 руб. выбраны были подьячие с не самыми крупными окладами. Были отобраны подьячие с окладами в 10, 7, 5 и 3 руб., а подьячие с окладами по 15 и 13 руб. полковой службы избежали. Возможно, как более опытные, знающие и ценные работники, они, по мнению начальства, больше пользы могли принести, работая в приказе.

По всей видимости, в процессе отбора подьячих из представленного списка выяснилось, что четырех человек для посылок в полки недостаточно, требуются дополнительные служащие для путевской полковой канцелярии. Пометы же старого подьячего на полях списка о прежней полковой службе некоторых разрядных подьячих, очевидно, навели Семенова на мысль, что эта информация могла быть неполной. Поэтому

для установления абсолютной ясности в этом вопросе под списком появилось распоряжение думного дьяка: «Выписать, во 184-м году в Путивле и в Рыльск хто имяны подъячие из Розряду были», что и было тут же исполнено «и против сей пометы выписано»⁷¹. В выписке оказались 3 фамилии, которые, по понятным причинам, не вошли в первый список, причем один из указанных в выписке, как гласила помета на поле, «ныне сидит в Пушкарском»⁷². В результате Семенов подтвердил свой выбор четырех кандидатов: «185-го мая в 20 день быть тем подъячим в тех полках по сей росписи»⁷³, но дело на этом не закончилось.

Список подъячих для посылки в полки, очевидно, готовился во втором (жилецкого списка) повытье Московского стола, и в этом списке в числе кандидатов для посылки в полки были записаны двое подъячих, уже назначенных в Рыльск. Назначение же это было отмечено в боярском списке, который составлялся в первом повытье того же стола. Произошла, таким образом, нестыковка в работе двух подразделений приказа. Трудно сказать, чем руководствовался думный разрядный дьяк и почему из предложенных в списке кандидатов он не смог выбрать еще двух никуда не назначенных подъячих для посылки в Путивль, однако его выбор остановился на З. Демидове и И. Ларионове, которые уже были командированы в разрядный штаб Рыльского полка. Это распоряжение и записал под пометой Семенова старый подъячий А. Яцкой: «В Путивле ж велено быть из рылского полку Зиновью Демидову да Илье Ларионову, помета была в полковом столпу боярского списку»⁷⁴. Завершала процесс отбора разрядных подъячих в полки короткая чистовая выписка: «Из Розряду в полки подъячие: в Путивль Тарас Сукманов, Перша Микулин, в Рылеск Самсон Симоновской, Степан Курочкин». Эта чистовая выписка была составлена раньше распоряжения Семенова о дополнительном наборе в Путивль, поэтому здесь же, под списком, Яцкой сделал приписку: «В Путивль ж Зиновей Демидов, Илья Ларионов»⁷⁵.

Несколько иначе руководство Разряда подошло к отбору подъячих для вспомогательного полка Хованского со сборным пунктом в Мценске. Их кандидатуры были выбраны из списка подъячих «не у дел», подготовленного совсем по другому случаю – по памяти из Посольского приказа с запросом прислать «подъячего доброго» для посылки на Дон. К отсылке в Мценск были назначены подъячие В. Никитин, С. Исаков, К. Ефремов, И. Большой Матвеев, Т. Друковцов. Исключая П. Шапкина, третьего по счету, который был выбран для отсылки на Дон, все имена в списке помечены подряд, начиная с первого⁷⁶. По всей видимости, какого-то специального метода отбора в данном случае у руководителя Разряда не было.

Таким образом, темпы работы военного управления можно считать вполне удовлетворительными. Назначение подъячих в Путивль и Рыльск состоялось в Разряде за 3 дня до выезда в Путивль Голицына и через 2 дня после выезда в Рыльск Бутурлина. В полки первые из назначенных подъячих выехали через 6 дней после назначения, последние отправились из Москвы через 12 дней.

Несколько иная картина сложилась с полком Хованского. Определение подъячих в его полк состоялось в Разряде за 6 дней до его выезда из Тулы к сборному пункту Мценску. Первые подъячие, определенные в полк Хованского, выехали из Москвы только через полтора месяца после назначения. Возможно, оперативность назначений и прибытия подъячих в полки Голицына и Бутурлина, в отличие от ситуации с полком Хованского, объяснялась тем, что эти полки, вместе с армией Ромодановского, располагались на авангардных позициях и первыми должны были принять на себя удар турецких войск. Соответственно разрядное руководство при назначении подъячих в эти полки действовало более жестко. Полки же Хованского и Долгорукова располагались во втором эшелоне обороны, о чем приказные служащие, естественно, знали, поэтому и дисциплина в этом случае несколько страдала.

Командировка в полк была не только хлопотным делом; как всякое дальнее путешествие, она была связана с большими расходами. Как известно, служилые люди по отечеству (к которым формально можно отнести и приказных подъячих) снаряжались в военные походы за свой счет, в отличие от служилых людей по прибору, которые ча-

стично финансировались государством, и от ратных людей полков «нового строя», которые находились полностью на государственном обеспечении. Большая часть подъячих не могла самостоятельно осилить финансовую нагрузку такой «посылки». Поэтому многие назначенные в полковые канцелярии подъячие обращались в Разряд как в свое главное ведомство и в приказ, который направлял их на военную службу, с просьбой оказать финансовую помощь. Помощь могла выражаться в досрочной выплате годового денежного жалованья, в выдаче специальных «подъемных» денег, в оплате транспортных расходов.

Как было принято в XVII в., проситель сам указывал, какой вид помощи ему требуется. Например, подъячий Печатного приказа С. Сычов, направленный в Путивль, писал в своей челобитной, что он, «человеченко скучной и бедной, поднятца на твою великого государя службу нечем», почему просит «для своего государского многолетнего здравия и для моей скучности» выдать жалованье «на подъем»⁷⁷. Пятеро подъячих Земского приказа Г. Кашкин, М. Спасеньев, А. Богданов, Я. Смирнов и И. Протопопов, командированных в полки Голицына и Бутурлина в Путивль и Рыльск, просили Разряд дать им «по своему великого государя указу ямские подводы», аргументируя это тем, что они, «холопи твои, людишка скучные и безлошадные»⁷⁸.

С наиболее выразительными челобитными обратились в свой приказ разрядные подъячие. Молодой подъячий К. Волошенинов, которого направили под началом дьяка Н. Пояркова в Путивль и Рыльск с казной для раздачи жалованья ратным людям, обращаясь по традиции к государю, сообщал, что он денежным окладом не верстан, «а поднятца мне, холопу твоему, на твою государеву службу нечем и платышиком ободрался», поэтому он просит дать ему денег «для той посылки на подъем и на платышико выдать, чтоб мне, холопу твоему, будучи на твоей государеве службе, голодною смертью не умереть и с холоду не озябнуть»⁷⁹. Ф. Шанский и И. Беседин, которым было велено быть в Мценске в полку Хованского «для писма», писали, что они «людишки самые бедные», денежными окладами не верстани «и перед своею братьбою ничем не взысканы, поднятца нам, холопем твоим, на твою великого государя службу нечем». Подъячие просили «жалованье на подъем выдать, как тебе, великому государю, об нас, бедных, Бог известит, чтоб нам, холопем твоим, на твою великого государя службу было чем поднятца и, будучи на твоей великого государя службе, голодною смертию не умереть»⁸⁰.

Разряд никогда не отказывал в подобных просьбах, но по существующей традиции проверял правомерность требований, обращаясь к состоявшимся precedентам и сопоставляя ситуацию прошлую с нынешней. Так, на челобитной подъячих Земского приказа о ямских подводах была записана резолюция: «185-го мая в 22 день по указу великого государя дать им для той службы ямские подводы по указу, буде в прошлом во 184-м году их братье для той же службы подводы были даны»⁸¹. На других челобитных разрядных дьяках обычно только кратко помечали «выписать»⁸².

Следует остановиться на вопросе о том, кто принимал решение по челобитным подъячих, в данном случае – о финансовой помощи государства в выполнении возложенных на подъячих обязанностей. Все пометы на простых, не подписных челобитных, как первоначальные, так и окончательные, записаны разрядными дьяками, а значит, можно утверждать, что решение принималось в Разряде. В случае, когда челобитные подавались непосредственно государю, решения на них записывал далеко не всегда разрядный думный дьяк, гораздо чаще – другие думные дьяки. Кроме того, в том случае, когда челобитная или выписка зачитывались государю, текст пометы непременно содержал фразу «и государь, слушав сей выписки (или челобитной)»; в некоторых случаях место государя занимали бояре, и тогда фраза звучала соответственно «и бояре, слушав сей выписки (челобитной)». Во всех имеющихся в архивном деле документах таких формулировок нет. Таким образом, вопросы финансирования приказных служащих, командированных в действующую армию, решались самостоятельно разрядным руководством.

Большая часть челобитных подьячих о материальном вспомоществовании получала ответ только после сбора дополнительной информации. Но по некоторым челобитным решение принимали и без предварительного составления выписки, причем по содержанию челобитные обеих групп ничем не отличаются. Единственное, что объединяет группу челобитных, решенных после выписки, это ссылки просителей на precedents в удовлетворении их запросов, как это было установлено для их «братьев», т.е. коллег. Исключение составляет опять же челобитная подьячих Земского приказа о предоставлении подвод, но в данном случае дело касалось более существенной помощи, чем выдача фиксированной денежной суммы, в том числе оклада. Обеспечение государственных служащих казенным транспортом являлось настолько важным делом, что была создана специальная «тарифная сетка», в соответствии с которой каждому чину полагалось строго определенное количество подвод⁸³.

В остальных же челобитных, решение по которым было принято после ознакомления с выпиской, речь шла о «подъемных» деньгах или о других дополнительных денежных вспоможениях и имелась ссылка на «братью». Так, подьячие Поместного приказа Марк и Карп Кузмины просили дать «подъемные» деньги «против нашей братии подьячих и против прежних примеров»⁸⁴. Разрядные подьячие Шанский и Беседин были членом о «жалованье на подъем», ссылаясь на то, что они «перед своею братией ничем не взысканы»⁸⁵. Подьячий Рейтарского приказа Шапкин, посланный во Псков в полк Долгорукова, указывает на то, что ему «жалованье на подъем против моей братии Петра Лыкова ничего не дано; а в прошлых годах» по указу царя Алексея Михайловича «нашей братии давано жалованье по окладу и на подъем по двадцать пять рублей и больше»⁸⁶. По всей видимости, ссылки челобитчиков на precedents автоматически влекли за собой подбор соответствующих данных. И действительно, все челобитные, в том числе и челобитная подьячих Земского приказа о подводах, содержат выписки об обстоятельствах текущего года и примеры решения сходных проблем в прошлом⁸⁷.

В других случаях решение о денежной помощи принималось сразу, без предварительной выписки. Подьячие Печатного приказа С. Сычов и Разрядного приказа К. Волошенинов получили просимое материальное вспоможение без наведения предварительных справок о решении подобных дел в прошлых кампаниях и в текущем году; Волошенинов кроме того получил разрешение воспользоваться казенным транспортом, о чем, по крайней мере письменно, не просил⁸⁸.

Разряд также самостоятельно принимал решение, из казны какого учреждения подьячие должны были получить назначенные суммы. Основным правилом, по-видимому, было получение денег в том приказе, где работал подьячий. Это также определяло разрядный дьяк в помете на челобитной или выписке. Так, подьячий Печатного приказа Сычов должен был получить «подъемные» деньги в Печатном приказе⁸⁹, подьячие Поместного приказа Кузмины в Поместном приказе⁹⁰, разрядные подьячие Волошенинов, Шанский и Беседин в Разряде⁹¹.

В той же помете, где было записано решение разрядного дьяка о выдаче денежной помощи подьячemu и о приказе, из которого деньги должны быть выданы, разрядный дьяк отдавал распоряжение своим подчиненным направить память в соответствующий приказ с требованием выплатить нужную сумму. Например, на челобитной Сычова Семенов записал указание: «185-го мая в 28 день государь пожаловал велел ему своего государева жалованья для нынешние службы дать в приказ денег восемь рублей ис Печатного приказу, и о том из Розряду в тот приказ послать память»⁹². В памяти Разряд кратко информировал приказ о военной командировке подьячего и требовал выдать ему назначенную в Разряде денежную сумму.

В большинстве случаев приказы исполняли распоряжение Разряда и выплачивали своим служащим «подъемные» деньги для полковой службы. Однако бывало и так, что приказная казна была пуста и приказ был вынужден отказать своему сотруднику в денежной помощи. Подчеркну, что приказ отказывал в денежной помощи именно конкретному лицу, своему сотруднику, не ставя в известность об этом Разрядный приказ. Обеспечение материальной стороны командировок государственного служащего счи-

талось исключительно его личным делом. Если у него были средства, он, очевидно, мог и не обращаться за денежной помощью; если же собственных средств для командировки у него не было, он сам должен был позаботиться об их изыскании. Таким образом, получив отказ в «своем» приказе, подьячий вновь обращался в Разряд с просьбой переадресовать требование о выдаче денег другому приказу и объяснял за «свой» приказ причины отказа.

Именно так поступили М. и К. Кузмины, направив в Разряд повторную просьбу. В ней подьячие изъяснили, что по их челобитью и по помете разрядного дьяка на выписке им было велено выдать жалованье в Поместном приказе, но там «отказано от тех денег». Таких же примеров и денег в Поместном приказе ни на какие расходы нет». Интересно отметить, что, Кузмины, по всей видимости, выясняли возможность получения денег в Поместном приказе устно, отказ в выдаче денег был объявлен им также в устной форме, и уже эта информация была доведена подьячими до Разряда на письме, поскольку память из Разряда в Поместный приказ с запросом о деньгах так и не была отправлена. На выписке по делу Кузминых под пометой Семенова об отправке памяти в Поместный приказ разрядным подьячим зафиксировано, что «по сему великого государя указу Поместного приказу подьячим Марку да Карпу Кузминым о его государеве жалованье в Поместной приказ память не послана»⁹³, а послана в Большой приход, и челобитная с пометою и черная память ниже сего»⁹⁴. В челобитной Кузмины указали также руководству Разрядного приказа на данные из разрядной же выписки о выплатах в 181 г. – подьячemu Поместного приказа деньги тогда были даны из приказа Большого прихода. Поэтому челобитчики просили выдать им жалованье именно из приказа Большого прихода «против прежних примеров», намекая и на то, что Разряду следует поторопиться: «А мы, холопи твои, за тем делом, за выпискою, и за твоим государевым жалованьем тоскаемся многое время, и подводы меня, холопа твоего, испроели»⁹⁵. По всей видимости, аргументация Кузминых и предоставленная руководству Разряда подсказка оказались вполне достаточными для вынесения решения. Не требуя сбора дополнительной информации, Семенов записал распоряжение на челобитной подьячих: «185-го июня в 21 день государь пожаловал велел им то свое государево жалованье по указу дать ис приказу Большого приходу и о том»⁹⁶ из Розряду в тот приказ послать память»⁹⁷, что и было исполнено⁹⁸. Такая же ситуация сложилась и с оплатой командировки подьячего Владимирского Судного приказа П. Богданова, направленного от Иноземского приказа с денежной казной в Путивльский и Рыльский полки, и с другими подьячими⁹⁹.

Поскольку материальное обеспечение командировки считалось частным делом командированного, памяти из Разряда в приказы с требованием выплатить подьячим назначенные суммы не посыпались с кем-либо из разрядных служащих, а выдавались на руки челобитчикам для предъявления в соответствующем приказе как своего рода кассовый ордер. Разумеется, факт передачи и имя дьяка, отвечавшего за составление документа, отмечались разрядным подьячим, который вел дело, на соответствующих документах. Так, на черновике памяти в Печатный приказ о выдаче денег Сычову подьячий пометил: «Такова за приписью диака Любима Домнина отдана Семену Сычову»¹⁰⁰. На черновике памяти в Монастырский приказ о выдаче оклада и «подъемных» денег Богданову зафиксировано, что «такова память»¹⁰¹, за приписью диака Петра Ковелина отдана Полуехту Богданову»¹⁰².

Челобитные приказных подьячих поступали на рассмотрение ко всем дьякам Разрядного приказа, но большая их часть – к Семенову¹⁰³. Однако приказные дьяки, приняв челобитную, могли только дать указание подготовить выписку, но не имели права сразу принимать решение по челобитной¹⁰⁴. Такой прерогативой обладал только руководитель приказа. Кроме того, челобитные подьячих с просьбой полностью освободить их от полковой службы рассматривались, по всей видимости, исключительно руководителем Разряда¹⁰⁵. По материалам выписки принять окончательное решение мог также практически всегда только думный дьяк¹⁰⁶. Но в тех случаях, когда дело касалось разрядных подьячих, решение после выписки, о выплате денежного пособия мог

принять и первый заместитель Семенова Ковелин¹⁰⁷. Реализовывал свои распоряжения не сам руководитель Разряда Семенов, а разрядные дьяки. Именно под их руководством составлялись памятки в приказы о выплате денежных пособий подьячим и они же заверяли эти памятки¹⁰⁸.

Выплата денежных пособий разрядным подьячим осуществлялась из казны самого Разряда, из его Денежного стола. И здесь при единобразии общей структуры документов наблюдается несколько большая свобода как в отношении лица, выдававшего подьячemu документ на выплату, так и в форме заверения этого документа. Письмо о выдаче денег разрядному подьячemu Волошенинову было написано и подписано старым подьячим Московского стола Яцким («Писал Алешка Яцкой»)¹⁰⁹. Такое же письмо о выплате денег «из разрядных доходов» правда, подьячemu Рейтарского приказа Шапкину было написано третьим разрядным дьяком Шакловитым¹¹⁰. Наконец, жалованье «на подъем» разрядным подьячим Шансому и Беседину было выдано по письму в Денежный стол за прописку дьяка Домнина, но написанному, очевидно, не им самим¹¹¹. Таким образом, внутренние письма составлялись третьим и четвертым разрядными дьяками, а также старым подьячим, по указаниям руководителя приказа и его первого заместителя.

В отношении сроков, в которые решались дела о выдаче денежных пособий подьячим, можно сказать только, что определенной системы здесь не наблюдается. Выписки по челобитным подьячим, сделанные по распоряжению разрядных дьяков, могли составляться в Разряде от пяти дней¹¹² до двух недель¹¹³. В выписку включали данные о подьячих, командированных в полки в текущем году, и о выплатах подьячим, посланных в полки в прошлые годы (кому, какая сумма и из какого приказа была выдана). Данные, собранные для первой по времени выписки, переходили затем из одной выписки в другую, которые составлялись по сходным поводам. Поэтому вызывает некоторое недоумение, почему для подготовки материалов, сделанных фактически по одному образцу, требовалось столько времени.

К сожалению, фактического материала о сроках работы приказной канцелярии, как обычно, слишком мало для обобщающих выводов. Однако можно сказать, что распоряжения руководителя Разряда о подготовке памяток в приказы с требованием выплатить указанные суммы, могли исполняться весьма расторопно. Так, память в Печатный приказ о выдаче денег подьячemu Сычову была составлена в тот же день (по всей видимости, тогда же и отправлена), когда Семенов вынес решение о выплате денег и посылке памятки в этот приказ¹¹⁴. В то же время память в приказ Большого прихода о выдаче денег подьячим Кузминым готовилась в Разряде в течение недели, считая с даты пометы Семенова на челобитной¹¹⁵. Несколько удивляют и сроки, которые требовались разрядным служащим высшего звена для того, чтобы распорядиться о выдаче пособий из Денежного стола Разряда по указаниям руководителя приказа. От распоряжения думного дьяка до составления письма проходило от пяти¹¹⁶ до девяти¹¹⁷ дней. Те же принципы и приемы работы Разрядный приказ использовал и при мобилизации в разрядные полковые шатры подьячих городовых приказных изб¹¹⁸.

Подводя итог, можно отметить следующие особенности работы Разрядного приказа при организации полковых шатров. За исключением ключевых назначений – воевод и руководителей разрядных шатров – все вопросы комплектования полковых канцелярий Разрядный приказ решал самостоятельно, без согласования с верховной властью, при необходимости опираясь на подчиненные ему органы местной администрации. Практика административной работы в Разряде была выстроена по тому же иерархическому принципу, который пронизывал всю приказную систему: наиболее важные, структурные вопросы деятельности ведомства решались его начальником; товарищи судьи занимались непосредственным воплощением в жизнь этих решений, а также принимали решения по менее значимым вопросам и руководили текущей работой учреждения. Среди разрядных дьяков существовало некоторое разделение обязанностей.

Руководители приказа, в том числе и думный дьяк, принимали личное, непосредственное участие, и притом весьма активное, в мобилизации приказных и городовых

подьячих на военную службу, что позволяло дьякам быть всегда в курсе всех назначений и иметь представление о реальной ситуации в этой области военного управления. Для приказной администрации было характерно отсутствие формализма, нацеленность на стержневую проблему – бесперебойную работу системы, поэтому во второстепенных вопросах ею всегда проявлялась гибкость.

Мобилизация подведомственных приказу служащих в полковые канцелярии проводилась весьма оперативно. Дисциплина же приказных подьячих, по всей видимости, сильно зависела от понимания ими ситуации в армии. Обеспечение материальной стороны командировки приказных служащих считалась их личным делом, то есть не покрывалась за счет государственных налогов, но в случае необходимости по прошению командированного государство выплачивало ему «подъемные» деньги.

Как показывает данное исследование, вопреки распространенному суждению, что приказы были медлительны и неповоротливы, а приказное руководство было в каждом своем шаге зависимо от верховной власти, в целом Разряд действовал вполне самостоятельно, целесообразно и эффективно.

Примечания

- ¹ См. об этом: Богданов А.П. В тени Великого Петра. М., 1998. С. 96; Седов П.В. Оборона Чигирина в 1677 г. // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.А. Алексеева. СПб., 2002.
- ² РГАДА, ф. 210, оп. бж, д. 130, л. 96–96 об.
- ³ Там же, л. 96 об.
- ⁴ Там же, л. 106 об.
- ⁵ Там же, л. 113 об.
- ⁶ Там же, л. 122 об.
- ⁷ Там же, л. 123.
- ⁸ Там же, л. 123 об.
- ⁹ Там же, л. 124 об.–125.
- ¹⁰ Там же, л. 128.
- ¹¹ Временик Московского общества истории и древностей российских (далее – МОИДР). Кн. 6. С. 39; Кн. 12. С. 33–34; Кн. 13. С. 32–34.
- ¹² Там же. Кн. 13. С. 33.
- ¹³ РГАДА, ф. 210, оп. бж, д. 130, л. 155.
- ¹⁴ Временик МОИДР. Кн. 13. С. 34.
- ¹⁵ РГАДА, ф. 210, оп. 9а, д. 527.
- ¹⁶ Там же, л. 83.
- ¹⁷ Там же, л. 85.
- ¹⁸ Там же, л. 84.
- ¹⁹ Там же, л. 112–113.
- ²⁰ Там же, л. 123–124.
- ²¹ Там же, л. 147–148.
- ²² Там же, л. 244.
- ²³ Там же, л. 113.
- ²⁴ Там же, л. 147 об.
- ²⁵ Там же, л. 112 об.
- ²⁶ Там же, л. 91, 104, 202, 209.
- ²⁷ Там же, л. 101 об.
- ²⁸ Там же, л. 209 об.
- ²⁹ Там же, л. 91 об.
- ³⁰ Там же, л. 94.
- ³¹ Там же, л. 114–116.
- ³² Там же, л. 97.
- ³³ Там же, л. 98–99.
- ³⁴ Там же, л. 97 об.
- ³⁵ Там же, л. 98 об.
- ³⁶ Там же, л. 89–90.
- ³⁷ Там же, л. 89 об.
- ³⁸ Там же, л. 127.
- ³⁹ Там же, л. 205–206.
- ⁴⁰ Там же, л. 206 об.
- ⁴¹ Там же, л. 207–208.

⁴² Там же, л. 191–192. Почему братья советовали читать память именно по субботам, остается неясным.

⁴³ Там же, л. 195.

⁴⁴ Там же, л. 192–193.

⁴⁵ Там же, л. 196.

⁴⁶ Там же, л. 190–191.

⁴⁷ Там же, л. 191–193.

⁴⁸ Там же, л. 194–195.

⁴⁹ Там же, л. 195–196.

⁵⁰ Там же, л. 197.

⁵¹ Там же, л. 197 об.

⁵² Там же, л. 83.

⁵³ Там же, л. 86, 89, 93, 94, 97, 98, 104, 147, 205, 209.

⁵⁴ Там же, л. 91, 107, 112, 114, 121, 123, 125, 127, 202.

⁵⁵ Там же, л. 199, 224.

⁵⁶ Там же, л. 94 об., 98 об., 104 об., 202 об., 224 об.

⁵⁷ Там же, л. 91 об., 93 об., 123 об., 147 об.

⁵⁸ Там же, л. 97 об., 112 об., 114 об., 209 об.

⁵⁹ Там же, л. 86 об., 89 об., 121 об., 199 об., 205 об., 252 об.

⁶⁰ Там же, л. 125 об., 127 об.

⁶¹ Там же, л. 83.

⁶² Там же, л. 84, 86, 89, 93, 97, 104.

⁶³ Там же, л. 86–87 об., 199–199 об.

⁶⁴ Там же, л. 97–97 об.

⁶⁵ Там же, л. 98–99 об.

⁶⁶ Там же, л. 89–90 об., 127–127 об.

⁶⁷ Там же, л. 91–92 об., 93–93 об., 94–94 об., 104–104 об.

⁶⁸ Там же, л. 121–122 об., 123–124 об., 125–126 об.

⁶⁹ Там же, л. 100–101.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, л. 101.

⁷² Там же, л. 102.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, л. 103.

⁷⁶ Там же, л. 176.

⁷⁷ Там же, л. 117.

⁷⁸ Там же, л. 108.

⁷⁹ Там же, л. 129.

⁸⁰ Там же, л. 211.

⁸¹ Там же, л. 108 об.

⁸² Там же, л. 134 об., 211 об., 216 об.

⁸³ Там же, оп. ба, д. 1, л. 277; Русская историческая библиотека. Т. IX. С. 520–522.

⁸⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 9а, д. 527, л. 134.

⁸⁵ Там же, л. 211.

⁸⁶ Там же, л. 216.

⁸⁷ Там же, л. 109–111, 135–137, 212–214, 219–221.

⁸⁸ Там же, л. 117–117 об., 129–129 об.

⁸⁹ Там же, л. 117 об.

⁹⁰ Там же, л. 137.

⁹¹ Там же, л. 129 об., 211–212.

⁹² Там же, л. 117 об.

⁹³ Далее в рукописи зачеркнуто, видимо, автоматически написанная формулировка: «для того что не хо-

дили».

⁹⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 9а, д. 527, л. 137.

⁹⁵ Там же, л. 145.

⁹⁶ Далее зачеркнуто: «указ учинить».

⁹⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 9а, д. 527, л. 145 об.

⁹⁸ Там же, л. 146–146 об.

⁹⁹ Там же, л. 138–142.

¹⁰⁰ Там же, л. 118.

¹⁰¹ Далее в рукописи зачеркнуто: «отпущена».

¹⁰² РГАДА, ф. 210, оп. 9а, д. 527, л. 144.

¹⁰³ Там же, л. 138 об., 216 об., 225 об.

¹⁰⁴ Там же, л. 108 об. (Ф.Л. Шакловитый), 134 об. (Л.А. Домнин), 211 об. (П.И. Ковелин).

¹⁰⁵ Там же, л. 225–225 об., 255–255 об.

¹⁰⁶ Там же, л. 109–111, 134–137, 138–142, 217–221.

¹⁰⁷ Там же, л. 211–214.

¹⁰⁸ Там же, л. 118 (Л.А. Домнин), 143–144 (П.И. Ковелин).

¹⁰⁹ Там же, л. 130.

¹¹⁰ Там же, л. 222.

¹¹¹ Там же, л. 214.

¹¹² Там же, л. 108–111.

¹¹³ Там же, л. 134–137.

¹¹⁴ Там же, л. 117–118 об.

¹¹⁵ Там же, л. 145–146 об.

¹¹⁶ Там же, л. 129–130.

¹¹⁷ Там же, л. 217–222.

¹¹⁸ См. об этом: Новожатко О.В. Разряд в 185 году. М., 2007. С. 158–195.